

Герман Назаров

МИФЫ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ



Мифы советской эпохи живы в массовом сознании, несмотря на то что с момента падения Советского Союза прошло пятнадцать лет. Эта книга разоблачает их. Автор безжалостно извлекает на свет божий кремлевские тайны – от имен тех, кто покушался на жизнь «вождя мирового пролетариата», до ответа на вопрос: «Почему развалили великий Советский Союз?»



Оклеветанная Русь

Герман Назаров

Мифы советской эпохи

«Алисторус»

2007

Назаров Г. А.

Мифы советской эпохи / Г. А. Назаров — «Алисторус»,
2007 — (Оклеветанная Русь)

ISBN 978-5-9265-0305-7

Герман Назаров — инженер-ракетчик, журналист, исследователь российской истории XX века. На основании архивных документов разоблачает исторические мифы, восстанавливает "белые пятна", образовавшиеся в результате партийной цензуры, причем не только коммунистической, но и постсоветского периода: от восстания на броненосце "Потемкин" до трагедии на атомном ракетноносце «Курск».

ISBN 978-5-9265-0305-7

© Назаров Г. А., 2007

© Алисторус, 2007

Содержание

От автора	5
Фельдман на броненосце «Потемкин»	11
Официальная версия	11
Как это было на самом деле	13
Да тот же Фельдман с «Потемкина»	18
Кому служили обманутые потемкинцы	20
Такой в картотеке не значится!	22
О чем должна была напомнить Павлу Дыбенко картина, подаренная моряками-балтийцами	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Герман Назаров

Мифы советской эпохи

От автора

Толчком к рождению этой книги послужили события более чем двадцатилетней давности.

После окончания в 1965 году МВТУ имени Н.Э. Баумана я был направлен на одно из оборонных предприятий, где еще с 1964 года работал над дипломным проектом. Наотрез отказавшись от конструкторской деятельности, я решил пойти по пути исследования – испытания объектов военной техники. Сначала занимался испытаниями торпедных аппаратов и морских пусковых установок для крылатых ракет конструкции В.Н. Челомея. А затем был перераспределен на предприятие Министерства общего машиностроения, где мне пришлось столкнуться с «живыми» конструкциями ракет различных КБ.

Расширению моего инженерного кругозора способствовало то обстоятельство, что мне часто приходилось выезжать на ракетные полигоны, в воинские части, где проводилось техническое обслуживание боевых ракетных комплексов, стоявших на вооружении и установка новых ракет на боевое дежурство. Это были ракеты конструкции М.К. Янгеля и В.Н. Челомея. Я гордился тем, что моя подпись вместе с подписями других специалистов стояла в актах государственной комиссии о приемке данного ракетного комплекса в эксплуатацию. В этой работе, общаясь с широким кругом различных специалистов, я стал ориентироваться в смежных областях ракетной техники.

Как-то, уже работая в НИИ, на территории которого находился Центр управления полетами космических аппаратов, я познакомился с известным в ракетных кругах главным конструктором ракетных двигателей академиком В.П. Глушко. Он тогда принес к нам в институт на рецензию энциклопедию «Космонавтика». Она была небольшой по объему, поэтому называлась «маленькой энциклопедией». Верстка книги побывала у разных специалистов, каждый из которых сделал свои замечания. Свои замечания сделал и я. Через несколько дней меня вызвали к директору НИИ, который сказал, что В.П. Глушко просит откомандировать меня на две недели в его распоряжение.

Предстояло устранить замеченные неточности и ошибки, притом в кратчайший срок, так как книга была уже сверстана. Но главное – в этой работе мне пришлось ближе познакомиться не только с В.П. Глушко, но и с другими главными конструкторами – соратниками С.П. Королева. Подобная книга была первой не только в нашей стране, но и в мире.

В середине 70-х годов уже прошлого века у В.П. Глушко возникла идея создания большой энциклопедии «Космонавтика», и он обратился ко мне с предложением войти в состав авторского коллектива, затем возглавить эту работу. Совмещать основную работу в НИИ с подготовкой энциклопедии было трудно. Поэтому, по просьбе Глушко, я был переведен в издательство «Советская энциклопедия», на базе которого и создавалась «Космонавтика». Работа была не такая уж простая. Предстояло собрать воедино все сведения о ракетах и космических аппаратах, когда-либо летавших в космос. Притом не только наших, но и зарубежных. Необходимо было дать сведения не только о ракетах, но и о двигателях, системах управления, системах жизнеобеспечения космических кораблей, скафандрах, космодромах и т. д. Не разглашая при этом государственной тайны. Тогда с этим делом у нас было очень строго. Каждая статья проходила не только большой цикл согласований в различных ведомствах, но и строжайшую цензуру.

Несмотря на это, вдруг – неожиданно для всех нас, членов редколлегии и специалистов, – представитель Главлита (Государственного комитета по охране тайн в печати), в нарушение своей же инструкции потребовал визу на всю книгу. И «Космонавтику» послали в ЦНИИМАШ Министерства общего машиностроения. Вместо того, чтобы дать заключение о том, что книга не содержит секретных сведений, работники этого НИИ под видом имеющихся якобы ошибок, запретили книгу к изданию. Началась неслыханная по своим масштабам волокита, в которую были втянуты не только несколько ведомств, но и Генеральный штаб Советской Армии, КГБ, ЦК, Верховный Совет СССР.

Эта группа малограмотных инженеров отраслевого института оказалась сильнее, чем вся система советской власти. У некоторых из них даже не было инженерного образования. Сто специалистов – авторов энциклопедии – обратились в КГБ. В ответ началась травля. Специалистов стали вызывать на допросы в КГБ. Этим активно занимался Н.А. Шам. Этот чекист, когда началась перестройка, был выдвинут на пост Председателя КГБ РСФСР изменниками родины – демократами. Слава Богу, не удалось ему возглавить это протухшее насквозь ведомство. Вслед за ним скоростно ушел из жизни и секретарь парткома КГБ.

Шесть известнейших в стране ученых, академиков, Героев Социалистического Труда, обращаются с письмом к секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину, в котором просят ускорить выход энциклопедии. Но секретарь ЦК оказался не на высоте. Вместо того, чтобы положить конец волоките и решить вопрос по существу, он перепоручает его аж шести министерствам. Как будто министрам больше нечем заниматься, как только издавать книгу. Никто не ожидал, что такую глупость мог совершить человек, стоящий на вершине партийной структуры. Партийная система к тому времени имела большие изъяны. Оказалось, что, находясь в руководстве страной, партийные функционеры даже такого ранга, как Зимянин, не могли решить такого простого вопроса.

Поручение Зимянина шести министрам каким-то удивительным образом попало к этим же людишкам из ЦНИИМАШ. Они от собственного имени сварили «ответ» Зимянину. Подписи шести министров воспроизвели с помощью ксерокса и послали в главный идеологический орган ЦК КПСС журнал «Коммунист», видимо надеясь, что оно оттуда попадет к Зимянину. Но главный редактор журнала Р.И. Косолапов, не получавший никогда подобных писем, направил письмо на экспертизу в Институт судебных экспертиз. А, получив экспертное заключение, из которого следовало, что совершен подлог, переправил его в Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС. Первый заместитель председателя КПК И.С. Густов, оказавшийся принципиальным коммунистом, положил конец всей этой волоките.

При разбирательстве выяснилось, что сотрудники ЦНИИМАШ, взявшие на себя роль и экспертов и цензоров, на протяжении многих лет действовали незаконно. Ни один директивный орган не давал им право подвергать цензуре все материалы по космонавтике. Этим правом в нарушении существующих тогда законов наделил их начальник – директор ЦНИИМАШ Ю.А. Мозжорин. И они безраздельно стали господствовать в печати. Нужным авторам – разрешать, неудобным – запрещать. Нам намекали, что если бы мы включили этих «цензоров» в соавторы, то книга давно бы вышла.

Но самое интересное было потом. В январе 1986 года, в преддверии XXVI съезда КПСС, в издательстве «Советская энциклопедия» подводились итоги работы за прошедший 1985 год. К этому времени «Космонавтика» увидела свет. Многие газеты и журналы поместили на своих страницах рецензии. Такого количества откликов на книгу история еще не знала: «Известия», «Красная Звезда», «Московская правда», «Социалистическая индустрия», «Наука и жизнь», «Земля и Вселенная», «Знание-сила», «Коммунист», «Труд» и т. д.

Я выступил с коротким докладом, в котором подверг резкой критике руководство издательства, в частности директора издательства В.Г. Панова, заместителя главного редактора А.А. Гусева и тогдашнего секретаря партбюро А.П. Горкина, которые своим бездействием спо-

собствовали тому, что готовый набор книги два года лежал в типографии без движения. На этом собрании, которое не являлось партийным, без заведения партийного дела, я был исключен из партии, а через неделю уволен с работы. Виновным в задержке выпуска книги оказались не руководство издательства и высокопоставленные лица Госкомиздата, а я.

Оказавшись безработным, я глубоко задумался над тем, почему я, столько лет отдавший служению Родине и партии, в которой состоял почти 30 лет, вдруг оказался никому не нужным, изгоем общества. Делать было нечего, на работу никто не брал как исключенного из КПСС. Самое большее, что мне предлагали в комиссии по трудоустройству – это приемщик стекло-тары и мойщик троллейбусов в местном троллейбусном парке. Больше мне, оказалось, нельзя было доверять. В 1937-м эти «товарищи коммунисты» давно бы меня кокнули. Но никто не знал, куда все повернется.

Чтобы разобраться в случившемся со мной, я начал читать сочинения Ленина, Сталина, Плеханова и других партийных деятелей. И чем больше я читал классиков марксизма-ленинизма, тем больше открывались мои глаза. Я понял, что меня всю жизнь обманывали. На собраниях говорили одно, а в жизни делали совсем другое. Это другое – тайная подрывная деятельность против своего собственного государства. В то время, как народ костями ложился, чтобы выполнить очередной пятилетний план, партийная верхушка готовилась прибрать к своим рукам плоды труда миллионов людей. Можно ли было нам, рядовым коммунистам, представить, что члены Политбюро окажутся завербованными американской разведкой?!

Дальнейшим толчком к переоценке прошлого послужила дискуссия, развернувшаяся в конце 1980-х вокруг вопроса, кто же в действительности изобрел «Катюшу». Почти одновременно появились статьи на эту тему в журналах «Огонек», «Наука и жизнь», «Изобретатель и рационализатор» и других изданиях. К этому добавился и Указ, подписанный М.С. Горбачевым, о присуждении звания Героя Социалистического Труда посмертно лицам, якобы создавшим «Катюшу». Смехотворность содержания Указа заключалась в том, что перечисленные в Указе лица никакого отношения к созданию «Катюши» не имели, а во-вторых, они умерли до того, как это звание было учреждено.

Историей «Катюши» я специально не занимался, но знал, что заявку на изобретение основы – снаряда – еще в 1916 году подал русский офицер, полковник И.П. Граве. Я написал в спорящие друг с другом издания свои отклики. Ответ пришел только из редакции журнала «Изобретатель и рационализатор». Заместитель главного редактора журнала И.Э. Чутко предложил мне исследовать этот вопрос и оформил мне командировку в Ленинград, где жил и работал И.П. Граве. Предстояло выяснить, получил ли Граве патент на свое изобретение. Если да, то любые споры становились бессмысленными.

Вскоре мои поиски увенчались успехом. Действительно, бывшему полковнику царской армии уже при Советской власти, в 1926 году, был выдан патент. Но имя Граве тщательно вытравливалось из нашей истории. Именно в связи с выдачей патента. Помимо исследования чисто технических вопросов изобретения, я заинтересовался судьбой этого человека и выяснением причин, почему никто из тогдашнего руководства Красной Армии не обратил внимания на предложение Граве. И увидел, что к власти в 1917 году пришли никчемные люди, не умеющие не только управлять государством, но вообще некомпетентные в любом вопросе. У власти оказались люди, умеющие делать только революции. Так я, не занимаясь политикой, вышел на политических деятелей СССР, которые, мечтая о мировой революции, тормозили развитие государства. Я вплотную стал заниматься историей Октябрьской революции и ее деятелей.

Статья о Граве была опубликована в двух номерах журнала «Изобретатель и рационализатор» за 1988 год. К этому времени после вмешательства КПК при ЦК КПСС я был восстановлен в партии, а по решению Верховного суда РСФСР был восстановлен на работе. Калининский райком партии Москвы тогда возглавлял Рудаков – весьма беспринципная личность. Он был из той ельцинской гвардии, которая пришла на смену старым партийцам. Москви-

чам-коммунистам было хорошо известно, как пришелец из Свердловска Б.Н. Ельцин громил московские райкомы. Тогда, без особого разбирательства, из партии было исключено немало честных коммунистов.

Со мной у Рудакова получился казус. Он был уверен, что я не «воскресну», и уничтожил мой партбилет и учетную карточку. Как он заявил членам райкома при слушании моего дела об исключении меня из партии, моего исключения требовали аж три заведующих отделами ЦК: оборонного, административного и отдела пропаганды. Но когда я пришел за получением партбилета, мне выдали совершенно новенький партбилет, еще пахнувший типографской краской. В нем значилось, что я вступил в партию не в 1959 году, а в 1987. Возмутившись, я обратился в Московский горком партии. Год ждал ответа. Тогда я написал М.С. Горбачеву письмо, в котором открыто сказал, что с ним в партии я больше не хочу быть. Запаковал партбилет в конверт и отнес в приемную КГБ, надеясь, что так оно быстрее дойдет до адресата. Я окончательно понял, что я партии не нужен, но и она мне больше была не нужна. Как-то на душе стало легче. Это был 1988 год. А спустя три года я увидел, как побежали из партии члены Политбюро вместе со своим генсеком Горбачевым.

С началом перестройки началась очередная кампания по реабилитации так называемых «жертв сталинских репрессий». Предатели из Политбюро создали комиссию по реабилитации, которую сначала возглавил М.С. Соломенцев, а затем злейший враг советской власти А.Н. Яковлев. Комиссия стала пересматривать дела троцкистов, расстрелянных в 1937–1938 годах. На страницы партийных газет и журналов потоком хлынули статьи о Бухарине, Зиновьеве, Каменеве и других главарях партии, заливших Россию морем крови. Вспомнили и о Фанни Каплан, покушавшейся на Ленина, о расказачивании, раскулачивании, договоре Молотова – Риббентропа, о расстреле командующего Балтийским флотом А.М. Щастного и т. д. В новой интерпретации исторических фактов непременно утверждалось, что все натворили большевики. Но при этом умалчивалось, что новые демократы имеют прямое отношение к тем самым большевикам, которые расстреливали по указанию Свердлова – Каплан, по указанию Ленина и Троцкого – капитана Щастного и проводили массовые расстрелы ни в чем не повинных людей.

Новые демократы представлялись потомками белогвардейцев, якобы пострадавших от «красного террора». Поэтому пришлось более тщательно изучить историю большевизма, которая, как я понял, имеет четко выраженный национальный характер. Сначала к власти в России пришли еврейские националисты, назвавшие себя большевиками. Затем им на смену пришли русские коммунисты. Евреи-большевики (надо обязательно к слову «большевик» присоединять слово «еврей», ибо это было одно и то же) стали родоначальниками «красного террора» и организаторами гражданской войны. Русские коммунисты часть главарей еврейского большевизма расстреляли, а часть посадили в концлагеря, созданные Лениным, Троцким и Свердловым.

Разбираясь во всей этой истории, я написал две статьи. Одна называлась «Свердлов – организатор гражданской войны и массовых репрессий», другая – «Потрясение». Обе статьи были опубликованы в журнале «Молодая гвардия» в 1989 году и наделали много шума. Гласность – вещь хорошая, но она обернулась против тех, кто ее начал. Тогда же город Свердловск был переименован в Екатеринбург, а в Москве, в Свердловском райкоме партии прошло совместное заседание работников райкома и райисполкома с представителями института марксизма-ленинизма, института истории партии, горкома партии и другими лицами. Пригласили и меня. Мне тогда терять было нечего, я был уже беспартийным. Вела заседание секретарь Свердловского райкома партии Киселева. Про себя я отметил, что большинство присутствующих историков партии были евреями (Лев Разгон и др.). На заседание пригласили и дочь Свердлова от второго гражданского брака с К.Т. Новгородцевой.

После того, как все выступили, слово предоставили мне. Я не спорил и не опровергал то, что сказали предыдущие ораторы, я задавал вопросы и по лицам присутствующих видел, что

они были не в состоянии на них ответить. Никто из них не мог ответить на простой вопрос, когда же Свердлов вступил в партию и какой номер членского билета у него был. В музее Ленина его партбилет все могли видеть, а в музее Свердлова его не было. Секретарь райкома Киселева попросила «историков» как следует подготовиться к следующему заседанию. Но оно так и не состоялось, дни советской власти были уже сочтены.

В статье «Потрясение», анализируя происходящие в стране события, я показал, что нас ожидает повторение 1917 года, что к власти снова придут троцкисты и возьмут реванш за поражение своих предшественников в 1937–1938 годах. Тогда, в конце 1989 года, как сейчас помню, мне позвонил мой старый приятель, известный московский журналист Лев Колодный. Он часто печатался в «Московской правде» и быстро отреагировал на эти две мои публикации, сказав в трубку: «Так ты, оказывается, антисемит!» Так я, с легкой руки Колодного, стал «антисемитом». Смешно было слышать из его уст это слово. Колодный, как никто другой, знал, как я впервые раскрыл для широкой общественности имя сподвижника С.П. Королева, секретного главного конструктора ракетных двигателей С.А. Косберга, как я добивался включения в Большую Советскую Энциклопедию имени А.А. Штернфельда и как мне потом пришлось пробивать о нем книгу в издательстве «Наука».

Колодный знал о моих дружеских отношениях с известным летчиком-испытателем М.Л. Галлаем, который пришел на суд защищать меня. Колодный, видимо, запомнил, как еще в 1972 году я помогал ему с книгой «Земная трасса ракеты». Цензура ее не пропускала. На книге он сделал такую дарственную запись: «Герману Назарову, запустившему эту книжку – спасибо. Лев Колодный».

Я мог бы по памяти назвать и других евреев, с которыми мне пришлось иметь деловые, а нередко дружеские отношения. Это А.Я. Зильманович из Риги, которому я помог издать книгу о Ф.А. Цандере. Это Ф.Ю. Зигель, преподаватель МАИ, много писавший об НЛЮ. Это писатель М.С. Арлазоров – страстный пропагандист авиации и космонавтики. В соавторстве с моим хорошим другом Д.Ю. Гольдовским мы издали две брошюры в издательстве «Знание».

Сегодня, видя беснующихся на телевизионном экране демократов, я пришел к твердому убеждению, что все демократы – евреи, но не все евреи – демократы. И второй вывод, который я сделал, изучая историю партии – это то, что сионисты сначала скрывались под маской коммунистов, а сейчас скрываются под маской демократов.

Я взялся их разоблачать. Так появились статьи, рассказывающие об истинных мотивах расстрела маршала М.Н. Тухачевского как изменника Родины. В деле о расстреле капитана А.М. Цветного выяснилось, что он не был изменником, как записано в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР». А был патриотом России, спасшим Балтийский флот, который Ленин и Троцкий собирались передать немцам. Новые демократы даже Ф. Каплан попытались причислить к жертвам «сталинщины» (это сделал Лев Колодный), а Б.Н. Ельцин поручил генеральной прокуратуре пересмотреть ее дело по вновь открывшимся обстоятельствам. Но тщательный анализ документов и публикаций того времени показал, что серия терактов, организованных евреями-большевиками, преследовала совершенно определенную цель – разжечь гражданскую войну в России.

В таком же ключе расследования, поиска архивных документов, сопоставления фактов были написаны и другие статьи. Развязывая узелки той или иной запутанной истории, я пришел к выводу, что вся история XX века, которую нам преподавали в школе, лживая. Бандитов и убийц превращали в героев, как, например, это сделали с Матюшенко и Вакуленчуком в известном фильме «Броненосец «Потемкин». Настоящих героев клеймили как изменников.

На протяжении десятков лет правду превращали в ложь. Но больше всего раскручивались события 1937–1938 годов. Истинные мотивы расстрела тогдашних руководителей партии тщательно скрывались, как скрывались и истинные цифры репрессий. А ведь многие из расстрелянных были действительно врагами народа. Статья 58 (об антисоветской деятельно-

сти), введенная евреями-большевиками, продолжала действовать. В отчаянной схватке столкнулись между собой еврейские и русские большевики. Власть с большим трудом переходила к русским. Евреи-большевики мирным путем власть не хотели отдавать. Троцкистами были не только евреи – сторонники Троцкого. Немало русских находилось на службе у троцкистов. Поэтому среди жертв невидимой новой гражданской войны были и русские.

История советского государства была тесно связана с историей партии. А история партии – с именами ее лидеров. На принижении роли Сталина (тогда это называлось разоблачением культа личности) и преувеличении роли Ленина – злейшего врага русского народа, строилась вся система разрушения государства. Мало кто знает, что именно Ленину принадлежит такое высказывание: «Лозунг наш – гражданская война. Мы не можем пока ее «сделать», но мы ее проповедуем и в этом направлении работаем» (ПСС, т. 49, с.24). Партия, вооруженная бездуховной марксистско-ленинской идеологией, стала могильщиком государства под названием СССР. Поэтому мне пришлось окунуться в изучение эпохи Сталина, который и мертвым не дает покоя демократам, и ответить на вопрос одной девятиклассницы из Якутии, помещенный в журнале «Огонек» № 13 за 1988 год, «почему Сталин стал таким».

Г. А. Назаров

Фельдман на броненосце «Потемкин»

Официальная версия

Мы все, конечно, знаем в общих чертах картину восстания на «Потемкине». Все было как в эйзенштейновском фильме, давно уже провозглашенном кинематографической классикой. Севастопольская матросская «централка» – ЦК социал-демократической организации Черноморского флота – будто бы готовила одновременное восстание на кораблях эскадры, назначенное на осень 1905 года. Но оно было сорвано преждевременным стихийным мятежом на «Потемкине», который в июне этого года находился вдали от эскадры у острова Тендра, где команда практиковалась в стрельбе. Толчком к выступлению послужила попытка командира корабля учинить расправу над матросами, отказавшимися есть протухшее мясо.

14 июня восставшие убили наиболее ненавистных офицеров и арестовали всех остальных. В этой быстротечной схватке был смертельно ранен матрос-большевик Г.Н. Вакуленчук. Восставшая команда избрала судовую комиссию во главе с матросом-вожаком А.Н. Матюшенко. К «Потемкину» присоединился сопровождавший его миноносец № 267.

Вечером 14 июня броненосец под красным флагом пришел в Одессу, где вспыхнула всеобщая стачка. Весть о его появлении вызвала ликование рабочих. Однако представителям одесских социал-демократических организаций (большевики, меньшевики, бундовцы) не удалось убедить команду «Потемкина» высадить десант, помочь рабочим вооружиться и действовать совместно. Не проявили необходимой решительности и одесские рабочие. 16 июня состоялись похороны Вакуленчука, превратившиеся в политическую демонстрацию. В тот же день «Потемкин» дал два артиллерийских выстрела по городу. К Одессе были стянуты дополнительные воинские части для подавления революционного движения.

Правительство приказало: заставить «Потемкин» сдаться или потопить его. Для этого два отряда кораблей Черноморского флота 17 июня соединились у Тендры и двинулись к Одессе. «Потемкин» вышел навстречу объединенной эскадре и, отвергнув предложение о сдаче, прошел сквозь строй кораблей. Матросы эскадры отказались стрелять по революционному кораблю, а броненосец «Георгий Победоносец» даже перешел на сторону «Потемкина». Эскадру поспешно увели в Севастополь, а революционные броненосцы направились в Одессу. ЦК РСДРП прилагал все усилия, чтобы поддержать восстание на «Потемкине». Но большевик М.И. Васильев-Южин, прибывший по поручению В.И. Ленина в Одессу для руководства восстанием, уже не застал там «Потемкина».

Вечером 18 июня броненосец в сопровождении миноносца № 267 ушел в румынский порт Констанца для пополнения запасов топлива и продовольствия. Здесь 20 июня судовая комиссия передала воззвания «Ко всему цивилизованному миру» и «Ко всем европейским державам», в которых заявила о решимости потемкинцев бороться против царизма. Румынские власти отказались отпустить кораблю необходимые припасы. 22 июня он прибыл в Феодосию, но и здесь ему не удалось получить уголь и продовольствие. 23 июня «Потемкин» вновь ушел в Констанцу, где 25 июня матросы сдали корабль румынским властям, которые вернули броненосец царскому правительству. Часть потемкинцев возвратилась в Россию в 1905 году; они были арестованы и осуждены. Оставшиеся в Румынии вернулись на родину после Февральской революции 1917 года.



Потемкинцы бесславно съезжают на румынский берег

В октябре 1905 года броненосец переименовали в «Св. Пантелеймона», но в апреле 1917 года корабль вновь стал называться «Потемкиным». В мае 1917 года его переименовали в третий раз – «Борец за свободу».

Ленин высоко оценил восстание на броненосце: «Потемкин» навсегда остался «непобежденной территорией революции...»

Такова официальная версия советских времен, имеющая, увы, мало общего с тем, что происходило на броненосце в действительности.

Как это было на самом деле

13 июня 1905 года эскадренный броненосец «Князь Потемкин Таврический» в сопровождении миноносца № 267 пришел из Севастополя в Тендру для проведения опытных стрельб в присутствии прибывшей из Петербурга комиссии. Корабль был недавно спущен на воду, и команда на нем была новая. Она состояла в основном из новобранцев и молодых матросов с других кораблей, не разбиравшихся в политике. Старослужащих, прослуживших на флоте более пяти лет, насчитывалось около ста человек.

В этот день ревизор мичман Макаров с баталером Геращенко, двумя артельщиками и двумя коками отправились на миноносце № 267 в Одессу для закупки провизии. Поскольку в Одессе в этот день уже началась забастовка, пришлось закупить 28 пудов мяса в частном магазине Коновалова. Мясо, хотя и не местного, а привозного убоя, было пригодно к употреблению. В ночь на 14 июня часть этого мяса пошла на дневную варку борща для команды, а остальное подвесили в мешках на спардеке.

14 июня незадолго до обеда вахтенному квартирмейстеру матросу Луцаеву кто-то из команды заметил, будто борщ сварен из плохого мяса. Луцаев доложил об этом на вахту, после чего висевшее на спардеке мясо было освидетельствовано в присутствии мичмана Макарова старшим судовым врачом Смирновым. Он нашел его достаточно свежим, нуждающимся лишь в промывке рассолом для удаления замеченных на нем местами личинок домашней мухи: в жаркое время они легко появляются на всяком мясе. Червей, как потом писали историки партии, на мясе обнаружено не было!

О результатах освидетельствования доложили старшему офицеру, и он распорядился дать команде обед. Но лишь только в камбузе началась раздача борща по бачкам, как туда вошел минный машинный квартирмейстер Афанасий Матюшенко с несколькими матросами и запретил команде разбирать борщ. Он-де сварен из червивого мяса! (Матюшенко действовал по переданной ему из комитета инструкции, в которой именно и упоминалось о червях в мясе.) Затем они вошли в батарейную палубу, запретили садящейся за обед команде опускать обеденные столы и стали выгонять матросов из батарейной палубы. Молодые матросы привыкли повиноваться матросам, прослужившим на флоте несколько лет. И когда Матюшенко со своими сообщниками стал открыто гнать всех из камбуза и батарейной палубы, часть команды (в основном новобранцы), разбирая один хлеб, потянулась на бак. Другие же пытались пообедать украдкой.

Матюшенко со своей братвой подошел к вахтенному Луцаеву и подтвердил: команда жалуется на недоброкачество борща и есть его не хочет. Это заявление через старшего офицера капитана II ранга Гиляровского было немедленно доложено командиру броненосца капитану I ранга Голикову. Он вышел на шканцы, приказал играть сбор и вызвал судового врача Смирнова. Когда команда собралась, Голиков разъяснил необоснованность ее претензий и приказал тем, кто готов обедать, выйти из фронта. Практически вся команда вышла из фронта. Отказников оказалось, по воспоминаниям очевидцев, человек 30–40. Вызвав караул, Голиков приказал их арестовать и отправить на гауптвахту. Как только этот приказ прозвучал (потом историки партии навывдумывали, будто Голиков приказал их расстрелять), эти отказники бросились в батарейную палубу, стали ломать пирамиды, разбирать стоящие в них винтовки и требовать патронов. За ними в батарейную палубу устремилась часть команды из строя.

Только тогда Голиков приказал караулу зарядить ружья, а находящимся на шканцах офицерам пересчитать всю оставшуюся команду. В это время из батарейной палубы выбежал Матюшенко, крича: «Что вы, братцы, неужели в своих стрелять будете». Разбив о палубу винтовку и бросив ее в сторону командира, он, крикнув: «Смотри, Голиков, будешь завтра висеть на ноке», – снова скрылся в батарейную палубу. Голиков приказал старшему офицеру

вместе с караулом спуститься за Матюшенко. В это время со спардека раздались ружейные выстрелы, сразившие лейтенанта Неупокоева и часового у кормового флага. Находившиеся на шканцах матросы в панике бросились к люку адмиральского помещения, куда спустился командир Голиков. Другие стали бросаться за борт, пытаясь вплавь добраться до стоявшего за кормой миноносца. По ним стали стрелять, убив лейтенанта Григорьева, прапорщика Ливенцова и нескольких матросов. Потом заговорщики обвинили в их гибели офицеров.

Капитан II ранга Гиляровский, спасаясь от пуль, с тремя оставшимися матросами караула попытался уйти под прикрытия башни. Но в это время из батарейной палубы выскочил матрос Вакуленчук с винтовкой в руках. Заметив целившегося в него Вакуленчука, Гиляровский выхватил из рук караульного винтовку и выстрелил в матроса. Раненый Вакуленчук отбежал к борту и, потеряв равновесие, упал в воду. Со спардека раздался новый залп, которым был убит Гиляровский.

Заговорщики, вооруженные винтовками, стали собираться на шканцах, ободряя команду и уговаривая ее продолжать бунт. Матюшенко и его подручные вывели командира броненосца на суд толпы. Голиков хотел что-то сказать, но Матюшенко, не дав ему говорить, крикнул: «Расступись!» – и выстрелил в него.

Тело командира выбросили за борт и на шканцы вызвали лейтенанта Тона. Матюшенко потребовал, чтобы он снял погоны. Тот ответил: «Дурак, не ты их мне надел, не тебе их с меня и снимать». Матюшенко ткнул Тона в погоны: «Напились крови, а вот и вам пришел конец». С этими словами он отступил на несколько шагов и выстрелил в лейтенанта. Упав навзничь, Тон пытался достать револьвер, но стоявшие рядом бунтовщики сделали по нему еще несколько выстрелов. Добив лейтенанта ружейным прикладом, Матюшенко выбросил тело за борт. После этого начался грабеж офицерских кают и расхищение вещей убитых матросов. Из кают-компании бунтовщики вывели мичмана Бахтина, избили его и в бессознательном состоянии кинули в лазарет. Судового священника Пармена один из бунтовщиков ударил прикладом по лицу. Раненный в живот врач Смирнов добрался до своей каюты и лег на койку. Фельдшер Бринк пытался оказать ему помощь, но его выгнали. Матюшенко спросил Смирнова: «Ну что, мясо-то хорошее было? Вот мы тебя на котлеты изрубим». Затем бунтовщики вынесли Смирнова на верхнюю палубу и с криком: «Раз, два, три» – выбросили еще живого за борт. Остальные офицеры и кондукторы были связаны и отведены в кают-компанию.

После этого бунтовщики назначили прапорщика Алексеева командиром броненосца, кондуктора Мурзака – старшим офицером, кондуктора Шопоренко – артиллерийским офицером, квартирмейстеров Волгина и Коровенского – вахтенными начальниками.

Все, происшедшее на «Потемкине», заметил вахтенный стоявшего у «Потемкина» за кормой миноносца. Он немедленно доложил командиру Клодту, что на броненосце происходит бунт. Выйдя наверх и убедившись в правильности доклада, лейтенант Клодт решил сняться с якоря и уйти от броненосца. Но выбрать якорь не удалось: по миноносцу стали стрелять с броненосца из винтовок, а потом из 47—75-мм орудий. Лейтенант Клодт, не желая подвергать миноносец обстрелу, отправился на броненосец. Здесь он увидел новоиспеченного командира Алексеева и толпу матросов, которые предложили ему исполнять обязанности старшего офицера. Клодт решительно отказался. Тогда с него сорвали погоны и связали. В версии советских историков эти события были представлены по-иному: якобы команда миноносца примкнула к бунтовщикам. На самом деле миноносец был попросту захвачен и действовал под прицелом направленных на него орудий броненосца.

Отобедав борщом из того же самого якобы червивого мяса и отмыв палубу от крови, главари бунта решили идти в Одессу для пополнения запасов угля и провизии. На этом переходе мятежники выбрали из своей среды комиссию, которая должна была управлять всеми судовыми делами и распоряжаться судовой кассой, в которой оказалось 21 391 р. 50 1/2 копейки

казенных денег и 683 р. 87 коп., принадлежавших Харкевичу, прикомандированному к броненосцу на время артиллерийских испытаний.

Вечером 14 июня броненосец в сопровождении миноносца пришел в Одессу и стал на внешнем рейде. На другой день в 6 часов утра вооруженная команда свезла на берег труп Вакуленчука. Он лежал на Новом молу с запиской на груди. «Г.г. одесситы, перед вами лежит труп зверски убитого старшим офицером броненосца «Князь Потемкин-Таврический» матроса Вакуленчука, за то, что он осмелился заявить, что борщ никуда не годится. Товарищи, осеним себя крестным знаменем и постоим за себя. Смерть угнетателям, смерть вампирам, да здравствует свобода... Команда броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

Попытки властей вступить в переговоры с бунтовщиками ничего не дали.

Около 10 часов утра миноносец, сопровождаемый паровым катером с вооруженными матросами, захватил у набережной Новой гавани груженный углем купеческий пароход «Эмеранс», с которого на броненосец было перегружено 15 тысяч пудов угля. В этот же день с утра на броненосец повалила публика: его буквально осаждали лодки, на которых преобладали лица в студенческой форме. Посетители произносили противоположительственные речи, стараясь еще больше разжечь мятежное настроение команды. В числе посторонних штатских лиц поднялись на борт члены социал-демократической партии Бунда: Абрам Березовский под кличкой «Кирилл», Константин Фельдман, назвавшийся студентом «Ивановым», и Плесков, представившийся «Афанасием». Переодевшись в матросскую форму, они остались на броненосце. «Афанасий» вскоре сошел на берег и на броненосец не вернулся.

Около 6 часов вечера на рейд из Николаева пришло судно «Веха». Став на якорь, командир «Вехи» полковник корпуса флотских штурманов Эйхеп, ничего не подозревая, направился на броненосец с рапортом. Едва он поднялся на палубу «Потемкина», как был окружен вооруженными бунтовщиками, которые отняли у него саблю, сорвали погоны, связали и отвели в адмиральское помещение. Затем на броненосец доставили всех офицеров «Вехи» и судовую кассу – 1400 руб. казенных денег. Главари хотели учинить расправу над офицерами, но большинство команды этому воспротивилось. Около 9 часов вечера того же 15 июня офицеры «Вехи» съехали на частных лодках на берег, а утром 16 июня были освобождены и офицеры «Потемкина». Бунтовщики не отпустили лишь офицеров, нужных для управления кораблем: прапорщика Алексеева, поручика Коваленко, подпоручика Калюжного и лекаря Головенко. В это же время освободили и кондукторов, которым под страхом смерти запретили вмешиваться в дела комиссии. На «Веху» с «Потемкина» перевезли двенадцать больных и раненых матросов.

16 июня во время похорон Вакуленчука улицы, ведущие к порту, были заняты войсками. Участвовавшие в похоронах двадцать потемкинцев были задержаны и арестованы.

Фельдман при помощи Матюшенко собрал команду и объявил: на берегу восстание против правительства; армия готова к нему присоединиться и ожидает только сигнала с «Потемкина». Таким сигналом должна стать бомбардировка Одессы из всех орудий броненосца. То же самое говорили и «Кирилл» с Матюшенко. Они уговорили команду, которая решила обстрелять дом командующего войсками и городской театр, где, по утверждению «Кирилла», заседали городские власти. Снявшись с якоря и отойдя на некоторое расстояние, броненосец открыл огонь, сделав три холостых и два боевых выстрела, один из них – разрывным снарядом. После этого броненосец стал на якорь на прежнем месте.

17 июня в 12 часов дня к Одессе подошла эскадра под командованием вице-адмирала Кригера в составе 5 броненосцев и 6 миноносцев. «Потемкин» снялся с якоря и в полной боевой готовности пошел навстречу эскадре. Не исполняя сигналов адмирала и продолжая идти полным ходом, «Потемкин» прорезал строй эскадры. При расхождении потемкинцы кричали «ура». В ответ раздались приветственные крики с броненосца «Георгий Победоносец». Повернув на 16 румбов, эскадра пошла за «Потемкиным», который, заметив этот маневр, повернул

обратно и, снова пройдя строй эскадры, пошел к Одессе. В это время на «Георгии Победоносце» тоже вспыхнул мятеж; команда, завладев кораблем, вывела его из строя эскадры.

После ухода эскадры к «Георгию Победоносцу» подошел миноносец № 267, с которого на палубу броненосца поднялись вооруженные матросы и с ними «Кирилл» Березовский, Фельдман и Матюшенко. В своих речах они убеждали команду «Георгия Победоносца» присоединиться к «Потемкину» и арестовать всех офицеров. Но большая часть команды «Георгия Победоносца» отказалась перейти на сторону бунтовщиков. Броненосец снялся с якоря и двинулся в море для следования в Севастополь. На мачте «Потемкина» взвился сигнал: «Буду стрелять». «Георгий Победоносец» повернул обратно и, пройдя мимо «Потемкина», полным ходом пошел на Одессу. Пленница «Потемкина», «Вежа», воспользовавшись темнотой, ускользнула в Очаков, а оттуда в Николаев.

19 июня в 5 часов пополудни «Потемкин» и миноносец № 267 прибыли в румынский порт Констанцу. Здесь главари бунта попытались захватить транспорт «Псезуапе», склоняя его команду к мятежу. Командир транспорта капитан II ранга Банов, узнав об этом, приказал развести пары и ночью ввел транспорт в гавань. За ним устремился было миноносец № 267, но его остановили выстрелом с румынского крейсера «Елизавета».

Утром 20 июня Фельдман послал во все иностранные консульства заявление: «Ко всем европейским державам. Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» начала решительную борьбу против русского самодержавия. Оповещая о том все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что мы гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плавающим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся». В час дня «Потемкин» с миноносцем на буксире снялся с якоря и ушел в море.

22 июня в 7 часов утра корабли подошли к Феодосии и стали на якорь. От городского головы и гласного Думы, прибывших на броненосец, бунтовщики потребовали немедленно доставить продовольствие, воду и уголь. Обещав доставить провизию, представители города съехали на берег. В 4 часа дня катер с броненосца в сопровождении миноносца прибуksировал нагруженное продовольствием судно «Запорожец» к борту «Потемкина».

В 23 часа городской голова Феодосии снова получил от бунтовщиков требование: доставить на броненосец уголь под угрозой артиллерийской бомбардировки города. Голова доложил об этом министру внутренних дел и, оповестив горожан об опасности, рекомендовал всем покинуть город. 23 июня в 8 часов утра в порт пришел катер с броненосца. Представитель бунтовщиков объявил: если уголь не будет отпущен добром, то команда возьмет его силой. Городской голова не ответил. Тогда была сделана попытка захватить две стоявшие у набережной баржи с углем. На них с катера высадились несколько матросов, которые стали выбирать якоря. В это время к берегу подошла рота солдат, открывшая ружейный огонь по катеру и миноносцу. После первого залпа несколько человек с катера упали в воду, а перешедшие на баржи налетчики попрятались в трюмы. После второго залпа к баржам подошел катер с солдатами, которые арестовали укрывшихся на них матросов. Фельдман и матрос Кошуба прыгнули во время обстрела катера в воду и были схвачены на берегу. Тем временем на «Потемкине» среди мятежников началась паника. Оставшийся на броненосце «Кирилл» Березовский подстрекал команду бомбардировать город и захватить его, но большинство потребовало идти в Румынию.

24 июня «Потемкин» и миноносец № 267 прибыли в Констанцу. На следующий день броненосец ввели в гавань, команду свезли на берег, и на борт «Потемкина» поднялись румынские солдаты. Миноносец № 267 не пожелал сдаться румынам, снялся с якоря и ушел в Севастополь. Бунтовщиков румынские власти разделили на партии и отправили из Констанцы в другие места для жительства. 48 потемкинцев решили вернуться в Россию, позднее к ним присоединились еще 62 человека. Таким образом, из общего числа 763 человек в Россию возвратилось

110 человек. Оставшаяся часть команды, боясь наказания, разделилась на две большие группы. Одна возвратилась в Россию в 1917 году, после Февральской революции. Другая навсегда осталась за границей, скитаясь по разным странам в поисках убежища. Известно, что часть из них осела в Южной Америке и Канаде, другие отправились искать счастья в Австралии.

26 июня на рейд Констанцы пришел отряд военных кораблей под командованием контр-адмирала Писаревского, который отвел «Потемкина» в Севастополь...

Да тот же Фельдман с «Потемкина»

С 25 января по 4 февраля 1906 года в Севастополе состоялся военно-морской суд. По делу о мятеже были привлечены 68 потемкинцев. Это были те матросы, которые участвовали в захвате барж с углем, и те, которые вернулись в Россию.

Царский суд понимал, что главные зачинщики и руководители мятежа сбежали за границу. «В рассматриваемом случае, когда важнейшие преступники были увлечены примером других, а все остальные действовали под угрозой лишения жизни, зачинщиков и главных виновников нет. Поэтому все наказания назначаются по усмотрению суда, в зависимости от вины и степени участия каждого».

На основании манифеста от 21 октября 1905 года смертная казнь трем матросам была заменена каторгой на 15 лет, 16 человек были осуждены к различным срокам каторжных работ, остальные отделались посылкой в исправительно-арестантские роты.

Руководители мятежа Матюшенко и Вакуленчук вошли в историю как герои. В Большой Советской Энциклопедии они названы «организаторами революционного движения на Черноморском флоте». Но по всем законам – божеским и человеческим – это были не герои, а бандиты, взявшие в заложники своих собственных товарищей. Они даже стреляли в них, не в буржуев, а в простых крестьянских парней. Матюшенко хвастался прибывшему на броненосец Фельдману, что из семерых офицеров он собственноручно убил пятерых. А сколько он наубивал бы, доживи до 1917 года! Но, к счастью, этого не произошло.



Этих убили до Октября:

матросы с «Потемкина» Афанасий Матюшенко и Григорий Вакуленчук.

А этих расстреляли в 1938-м:

революционеры из Одессы Константин Фельдман и Анатолий Березовский

Сбежав после восстания за границу, Матюшенко мечется из страны в страну. Из Румынии отправляется в Швейцарию, где, по воспоминаниям Н.К. Крупской, будто бы встречался с Лениным (непонятно, зачем они были нужны друг другу?). Из Швейцарии едет в Америку, оттуда во Францию, переходит из партии в партию – от социал-демократов к социал-революционерам, от социал-революционеров к анархистам, от анархистов к максималистам. Во всех странах Матюшенко живет на широкую ногу (видно, кто-то хорошо оплачивал его бандитизм). В июне 1907 года он возвратился в Россию под чужой фамилией, но был опознан, судим и 20 октября 1907 года по приговору военно-морского суда повешен.

А вот Фельдману удалось бежать. Через несколько дней после поимки, еще в Феодосии, к двери камеры, где он сидел, подошел какой-то солдатик-еврей. Назвался Мочедлобером и предложил свою помощь для побега. Но не сдержался: прежде, чем помог Фельдману, попытался убить начальника гарнизона Герцыка. Попытка не удалась – пуля сразила стоявшего рядом с Герцыком солдата, за что Мочедлобер и был повешен. Тем временем офицер Померанцев, допрашивавший Фельдмана, установил, кто такой на самом деле Матвей Иванов (так Фельдман называл себя, когда проник на броненосец).

Раскрыв псевдоним, Фельдмана перевели в Севастополь, где начальником военной гауптвахты был ефрейтор Бурцев. Бурцеву нужны были деньги, и он, узнав, какая «птица сидит в его клетке», решил разбогатеть, организовав Фельдману побег. Сначала хотели усыпить часового папиросами. Но потом возник другой вариант – найти среди солдат-охранников еврея. Как вспоминал Фельдман:

«Бурцев верил, что каждый еврей сочувствует революции и стоит ему сказать одно слово, чтобы заставить его действовать с ним.

– Уж ты, Костинька, подожди, – часто говорил он мне, – только придет на этот пост часовой-еврей! Как придет, так сейчас и уйдешь, – в этом не сомневайся! Эх, евреи – золотой народ! – заключал он, захлебываясь от восторга.

Сомневаюсь, прав ли он был вообще в своей вере в «еврейскую революционность», но на этот раз «еврейство» не обмануло его... Как-то утром Бурцев подошел к моей камере и сказал: «Сегодня в третьей смене часовой-еврей, действуй!»

И таким солдатом-евреем оказался Штрык. Он согласился помочь бежать Фельдману, но за деньги, сославшись на извечное, что он бедный еврей. Фельдман передал на волю записку: на организацию побега нужна тысяча рублей. К побегу были подключены: от Одесской организации Бунда брат Фельдмана, Самуил, по кличке «Евгений», от Киевской организации – Коган («Андрей») и Зборовский («Федор»), от Крымской организации – Канторович и известный впоследствии большевик Адольф Абрамович Иоффе, который и вывез Фельдмана за границу.

Деньги на побег выделила берлинская группа Бунда, которая оказывала материальную помощь «русской революционной эмиграции», и немецкий фабрикант Юлиус Герсон. На деньги германских социал-демократов был подготовлен контрабандный переход русско-германской границы, и через несколько дней на квартире Карла Либкнехта (Гарнштейна) Костя Фельдман подробно рассказал о своих приключениях...

Кому служили обманутые потемкинцы

События, происшедшие на броненосце «Потемкин», приоткрывают одну историческую тайну, о которой поведал троцкист Х.Г. Раковский, проходивший в 1938 году по делу «Правотроцкистского антисоветского блока»: «Бунт на «Князе Потемкине» – это частичный, преждевременный взрыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить огненным кольцом весь русский Черноморский флот. Это восстание должно было вспыхнуть в июле, во время больших морских маневров. По условному сигналу – две ракеты, выпущенные с палубы броненосца «Екатерина II», – участвовавшие в заговоре матросы должны были убить своих офицеров и от «имени народа» (так у Раковского и записано с кавычками. – *Авт.*) овладеть всеми судами. Как известно, несчастный инцидент с тухлым мясом преждевременно вызвал бунт на «Князе Потемкине» и разрушил весь наш план».

Еще более конкретно об этом плане писал Фельдман: «Восстание должно было вспыхнуть на Тендре, пустынном острове, куда ежегодно выезжает на маневры эскадра. Ночью, в заранее условленный час, на всех кораблях участники заговора бросятся на спящих офицеров, свяжут их и объявят республику». Но, думается, мало кто из участников намечавшихся событий догадывался, что речь идет не об установлении республиканского строя во всей России, а о создании иудейской республики, отделенной от России. Похоже, об этом не знал даже Матюшенко, который за несколько дней до выхода к Тендре на стрельбы запрашивал Севастопольский комитет Бунда, не нанесет ли «Потемкин» вреда революции, если поднимет мятеж. Этот запрос вызвал переполох среди еврейских сепаратистов. «Состав команды «Потемкина», – писал Фельдман, – не особенно благоприятствовал восстанию». На броненосце почти не велась агитация, матросы считались самыми отсталыми, им больше импонировал бунт, чем организованное восстание. Поэтому Севастопольский комитет, не желая разъединять действия матросов-заговорщиков, просил Матюшенко не предпринимать никаких действий до начала восстания на других кораблях.

Но, видимо, хорошо зная характер потемкинских главарей, комитет понял, что удержать их от бунта не удастся. И чтобы не сорвать план всеобщего выступления флота и направить взбунтовавшуюся массу «Потемкина» в нужное русло, на броненосец и был срочно командирован Фельдман. «Надо немедленно заставить матросов высадить десант, вместе с рабочими взять город и основать республику в Одессе, – писал он. – Нужно было спешить к броненосцу. Не было времени сноситься с организациями, и я решил действовать за своей личной ответственностью». Прибыв на броненосец, Фельдман увидел следующую картину: «Из первых же разговоров на корабле стало ясно, что положение тут не такое простое, каким оно казалось со стороны. Вместо ожидаемого энтузиазма мы встретили здесь серый прием и неопределенное настроение. Матросы как будто сами были удивлены своим делом, не свыклись еще с новизной положения, не зная еще, что делать, куда и с кем идти». А далее Фельдман с горечью отмечал: «Мы убеждали матросов сойти на берег и примкнуть к восставшему народу, но матросы отказывались покинуть корабль и сойти на берег, чтобы вместе с рабочими захватить город, повелеваясь своему сознанию». Матросы не поддались уговорам Фельдмана стрелять по городу и воспротивились поднятию красного флага на «Потемкине».

Бунт на «Потемкине» никто из эскадры не поддержал. «Потемкин» сдался румынам после 11 дней скитания по Черному морю. «Георгий Победоносец» был в состоянии бунта одни сутки. «С того момента, как «Потемкин» превратился в корабль-скиталец (так поэтически окрестил его Боровский на страницах бундовской газеты «Пролетарий» № 10 за 1905 год), он потерял ценность и значение для революции...»

Судьба жестоко наказала тех, кто прямо или косвенно участвовал в событиях на «Потемкине». А.А. Иоффе покончил жизнь самоубийством в 1927 году. Карл Либкнехт расстрелян в

1919 году за попытку взять власть в Германии. В 1905 году в Констанце потемкинцев встречал Х.Г. Раковский, чтобы «передать привет от европейского пролетариата и вдохнуть в их усталые души энергию к новой борьбе». За попытку государственного переворота в СССР он был расстрелян в ходе сталинских репрессий в 1941 году. Фельдман и два его брата за попытку создания на юге России «еврейской республики» были расстреляны чуть раньше – в 1937 году. Судьба Бурцева и Штрыка, бежавших вместе с Фельдманом за границу, неизвестна. М.И. Васильева-Южина, с запозданием прибывшего в Одессу по поручению Ленина для руководства восстанием, расстреляли в 1937 году, а «Кирилла» Березовского – в 1938 году...

Такой в картотеке не значится!

Семьдесят лет считался изменником родины капитан I ранга Алексей Щастный. Он был расстрелян за то, что не отдал немцам Балтийский флот. Имя отважного моряка открывает мартиролог жертв красного террора...

О чем должна была напомнить Павлу Дыбенко картина, подаренная моряками-балтийцами

В 1936 году командарм II ранга РККА Павел Дыбенко, знаменитый революционный матрос, председатель Центробалта в 1917 году, в день 47-летия получил от соратников знаменательный подарок: они привезли ему на квартиру огромное полотно «Ледовый поход 1918 года». Вручал картину юбиляру другой революционный матрос, бывший комендант Кремля Павел Мальков. Он при этом, по свидетельству дыбенковского биографа Ивана Жигалова, сказал небольшую речь:

– Пусть этот скромный подарок всегда напоминает тебе о наших незабываемых днях...

Увы, Мальков не мог выбрать более неудачного подарка, ибо всякое упоминание о Ледовом походе должно было напоминать юбиляру о том, что он был соучастником величайшего в истории предательства, о котором писал в своей книге «История большевизма в России» (Париж, 1922) известный жандармский генерал А.И. Спиридович. По его словам, русская контрразведка установила, что в начале июля 1917 года представитель германского генерального штаба тайно встречался в Кронштадте с еще не пришедшими к власти большевиками – Лениным, Троцким, Дыбенко и Раскольниковым – и вел с ними переговоры об организации немецкого разведочного отделения при будущем советском правительстве после захвата власти в стране большевиками.

Комментируя этот факт, Спиридович отмечал, что кронштадтский сговор «недостаточно освещен», то есть детали его остались неизвестными, но можно предполагать, что в обмен на германскую поддержку заговорщики обещали продать или передать немцам корабли Балтийского флота, необходимые немцам для грядущих операций против морских сил Антанты. «Не в этом ли совещании, – вопрошал Спиридович, – разгадка расстрела большевиками в 1918 году адмирала Щастного, который спас русский флот, не сдал его немцам, а приведя в Кронштадт?»

Сведения, добытые русскими контрразведчиками, вызвали в Петрограде грандиозный скандал: в то время как на фронте русские войска терпели от немцев страшные поражения, в самой столице претендует на власть политическая партия, вожди которой ведут тайные переговоры с представителями вражеского генерального штаба, а вражеский Имперский банк открывает счета «г.г. Ленину, Суменсону, Козловскому, Троцкому и другим деятелям на пропаганду мира». И вот в это время, как писал небезызвестный биограф Ленина Емельян Ярославский-Губельман, Временное правительство «решилось на самый гнусный шаг: обвинить Ленина в том, что он – германский шпион, агент германского правительства, что он получил будто бы деньги от германского правительства и на эти деньги работает для того, чтобы погубить русскую армию». Начались аресты, в ходе которых трое из кронштадтских заговорщиков – Троцкий, Дыбенко и Раскольников – оказались в Крестах, четвертый – Ленин – бежал из Петрограда и скрылся в Разливе, а министр юстиции Переверзев открыл уголовное дело...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.